РЮРИКЪ ИВНЕВЪ

ЗОЛОТО СМЕРТИ

„ЦЕНТРИФУГА“

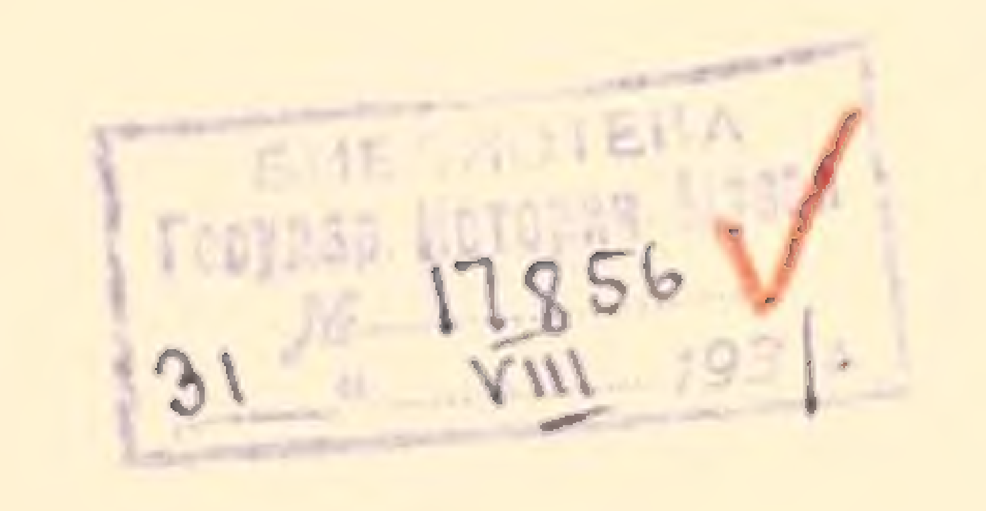
Клас.
(С.В.)

РЮРИКЪ ИВНЕВЪ

ЗОЛОТО СМЕРТИ

МОСКВА
1916

ОТПЕЧАТАНО ТИПОГРАФІЕЙ „АВТОМОБИЛИСТЪ“ ВЪ МОСКВѢ.

1

Невѣроятнаго не будемъ открывать,
Живя, какъ всѣ, прямолинейно, просто.
Вотъ бѣлая больничная кровать,
Стаканъ съ лѣкарствомъ, взболтаннымъ для тоста.

Сиреневая на стѣнѣ кайма,
За дверью шепотъ вдумчиваго вѣтра,
И не помогутъ выкладки ума
Философа, поэта, геометра.

Смѣшно читать и думать въ этотъ часъ,
Такой до ужаса заранѣе извѣстный.
Еще горятъ глаза, но чей то басъ
Гудитъ уже—и хлѣбъ ломаютъ прѣсный.

1914

2

Пустое солнце просто и спокойно,
Просторъ полей пустѣющей земли,
Располагаютъ исковерканныхъ и гнойныхъ
И всѣхъ, чье тѣло и душа болитъ,
Къ невыясненному безпокойству.

Что проскрипитъ телѣги скрипъ тяжелый,
Что можно вычитать въ пустыхъ зрачкахъ,
Какіе геніальные уколы
Готовятъ люди умные въ очкахъ
Подъ музыку печальную фонолы?

Мнѣ такъ же даль стеклянная ясна,
Какъ на костюмѣ пуговка, лоскутикъ.
И передъ смертію душа поражена,
И всѣ тысячелѣтія въ минутѣ,
Когда на лобъ нисходитъ желтизна.

1914

3

Сукно, шурши, шурши, сукно, и жаль
Едва понятными и злыми остріями,

Изъ оконъ каменныхъ шестого этажа
Упасть и очутиться въ чахлой ямѣ.

Скрипитъ пролетки злое колесо,
И все скрипитъ отъ ѣдкой, ржавой злости,
И медленно густой червякъ сосетъ
Жиръ, мясо, мозгъ и мускулы, и кости.

Качаетъ вѣтеръ мертвое перо
Надъ головой не умершей, но мертвой;
И надъ воздушнымъ, пламеннымъ костромъ
Качается, какъ всадникъ, мѣсяцъ стертый.

1914

4

Я лѣтній день давно не цѣловалъ
Глазами, тростью, башмаками, платьемъ,
Сегодня волны дивная Нева,
Какъ Баратынскій дивный стихъ, свой катитъ.

Вотъ солнце льетъ сквозь облако лучи,
И я глаза закрылъ, какъ передъ смертью.
Благодаря Тебя за то, что научилъ
Любить униженныхъ и каторжникамъ вѣрить.

1914

5

Братъ мой, хочешь вѣчно жить?
Хочешь душу сохранить?

Бѣломраморнымъ крыломъ
Бьется Ангелъ въ ветхій домъ.

Слышишь этотъ сладкій стукъ
Крыльевъ, ногъ и страстныхъ рукъ?

Братъ мой, хочешь вѣчно жить,
Хочешь душу сохранить?

Выйди изъ избы скорѣй
На просторъ полей, морей.

Надо въ вечеръ, безъ огня
Сѣсть на пѣгаго коня—

Если хочешь вѣчно жить,
Хочешь душу сохранить.

1914

6

Вѣтерочекъ, святой вѣтерочекъ,
По Бѣлому морю гулялъ,
Отъ крови былъ алъ платочекъ,
Корабль нашъ мысъ огибалъ.
Голубочекъ нашъ, голубочекъ,
Голубочекъ нашъ погибалъ.

1915

7

Помню, мы стояли рядомъ,
Братъ молитву сотворилъ,
Потъ съ лица катился градомъ,
На земь я упалъ безъ силъ.

Раствори, Господь, темницу,
Окропи своей слезой,
Я увижу голубь птицу,
Старца съ бѣлой бородой.

Поле круглое увижу,
Круглые цвѣты на немъ...
Съ каждымъ часомъ ближе, ближе
Тѣсный и единый домъ.

1914

8

Гляди на Астрахань. На сей градъ
И мыломъ мой лохань. Радъ! Радъ!

Качаются мозги мачтъ въ голубизнѣ
Невѣдомъ райскій плодъ моей отчизнѣ.

Хотѣлось бы дѣвѣ въ Персію уплыть,
Хотѣлось бы дѣвѣ царицей быть.

Пьетъ нефть, пахнетъ серебромъ,
Горнымъ сибирскимъ добромъ.

Отчизна, отчизна, отчизна
Тебя узнаю, узнаю, узнаю!

1914

9

Нарядный, вышитый шелками Невскій,
Коверъ изъ ногъ, ушей и быстрыхъ глазъ.
Шершавыя чуть шевелятся занавѣски
На окнахъ отъ запрятанныхъ гримасъ.

А бѣлый дымъ, сгущенный въ катафалкѣ,
Несется медленной и ласковой рѣкой.
И если это мартъ, то сонныя фіалки
Распродаются сморщенной рукой.

Особенная тишина. Въ ушахъ вуаль густая;
Дворецъ и мостъ, врачебный кабинетъ,
И если это мартъ, то снѣгъ, безмолвно тая,
Вдругъ обнажаетъ каменный скелетъ.

Мгновенье—стукъ. Мгновенье очень страшно,
Потомъ улыбка изъязвленныхъ губъ,
И ротъ, который искренно накрашенъ,
Глотаетъ воздухъ, копоть, дымъ и трупъ.

1913

10

Иду и думаю по улицѣ, еще
Холодной отъ недавней непогоды,
И солнце льетъ, хотя не горячо,
Свой желтый дождь на камни и на воду.

И все разумно:—вывѣски витринъ,
И генералъ, несущійся изъ штаба,

Портреты знаменитыхъ балеринъ,
И молокомъ торгующая баба.

Лишь я одинъ, не знающій на что
Истратить деньги—кровообращенье,
Верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ пустомъ
И брызгаю слюною изступленья.

11

Сегодня или завтра—все равно,
Горитъ ли солнце, свѣтитъ ли луна,
Я понимаю ясно лишь одно:
Не избѣжать мнѣ земляного сна.

Остынетъ раскаленный кипятокъ,
Заглохнетъ злыхъ копытъ протяжный стукъ
И выпадетъ изъ побѣлѣвшихъ рукъ,
Подаренный возлюбленной цвѣтокъ.

Достичь холоднаго спокойствія ума.
Вотъ каждый мускулъ покоренъ умомъ.
Сегодня окна, крыши и дома,
А завтра тѣсный и единый домъ.

1914

12

Земная кора—обратная сторона медали,
А лицевая закрыта зеленой плѣсенью.
За чьи то преступленія насъ сюда послали
Подъ хлесткіе удары и каторжныя пѣсни.

И все такъ важно—и ботинки, и разговоры,
И катанье на моторахъ и сонныя прогулки;
Только нѣсколько сумасшедшихъ взоровъ
Знаютъ настоящее значенье улицъ гулкихъ.

Вотъ сегодня меня ударитъ палка,
А завтра камень или скрученная веревка.
Я заплюю ненужную весталку
И обниму рецидивистку воровку.

Нѣтъ ни одного событія безъ причины,
Въ густомъ смѣшеніи мы поймемъ всѣ знаки.
У загорѣвшейся пыльной лучины
Я сниму кольцо, толстое, какъ шина,
И забуду о несуществующемъ бракѣ

1913

13

Игрушечные карлики на звонкихъ резинкахъ,
Подпрыгивая, доскакиваютъ до потолка;
Сегодня жизнь, а завтра починка
И на черной перевязкѣ бѣлая рука.

У зеленаго столика, сражаясь въ карты,
Карлики высовываютъ языки,
А въ мое окошко заглянуло солнце марта
И сжало похолодѣвшіе виски.

И возникла боль, но, Боже, не исчезла,
А увеличилась въ тысячу разъ.
Я карликовъ бумажныхъ ножницами изрѣзалъ
И заплакалъ, хотя не сразу.

1914

14

Глотну, какъ воздухъ, яростный огонь,
Перекрещусь, какъ въ дѣтствѣ научили...
Все вижу я прозрачную ладонь,
Что гвоздиками къ дереву прибили.

И мертвый ротъ теперь, какъ мертвый медъ.—
Кричи! Кричи! Вонзи копье слѣпое
Въ уста, въ глаза, въ бедро, въ огонь, въ животъ,
Пусть смотритъ это небо голубое!

1913

15

Склонился къ движущемуся ковру
Людскихъ объѣдковъ, шляпокъ и отбросовъ,
Я слова сахарнаго—умру—

Не понимаю. Солнце смотритъ косо,
И магазинщики отвѣсили губу,
И покупатели зажали кошелечки,
Я слово сахарнаго—въ гробу—
Не понимаю. Отъ Финляндскихъ сосенъ
До волнъ Каспійскихъ—все одинъ визитъ.
И какъ не сумасшествуй, ни грози
Я равнодушенъ, вѣтрененъ, несносенъ.

1914

16

Наклонъ стѣны. Отбросы. Дверь гнилая,
Ведущая въ уборную, и слизь
Какая то. Собака, чахло лая,
Ждетъ смерти. Образы слились

Въ одну мочалку спутанную. Домъ
Невѣроятнымъ кажется, глупѣйшимъ,
Изъ оконъ визгъ, пылающей виномъ,
Измученной любовнымъ горемъ гейши.

Кошачій запахъ слаще пряныхъ розъ,
Ростущихъ въ полисадникахъ колючихъ,
О, сколько вѣточекъ, морщинъ и слезъ.
О, сколько косточекъ и змѣй гремучихъ,

Объято все дрожаніемъ святымъ,
Несу просторъ души полузасохшей
И, ставши изъязвленнымъ, злымъ, пустымъ,
Пью смерти заржавѣвшій ковшикъ.

1913

17

Ножичкомъ, ножичкомъ острымъ
Продырявь кожицу и встань
Рано утромъ,—и ростъ твой
Уменьшится. Герань
На окнѣ побѣлѣетъ.

Ножичкомъ, ножичкомъ острымъ
Медленно пробуравь

Кожицу и ростъ твой
Уменьшится. Лампу заправь.
Герань зазеленѣетъ.

Ножичкомъ, ножичкомъ острымъ
Пробуравь кровь, жиръ, кость,
Мускулъ,—и ростъ твой
Уменьшится. Придетъ гость
Непрошенный. Герань омертвѣетъ.

1914

18

Къ растаявшему золоту свѣчей
Приникла нѣжно голова сѣдая,
Но все равно, теперь—падежъ какой,
Погода на дворѣ какая.

Вотъ жалкій день, вотъ отрывной листокъ,
Мнѣ все равно, куда теперь онъ ляжетъ,
И, какъ душа, пылающій Востокъ—
Мнѣ ничего уже не скажетъ.

1914

19

Мертвыхъ вѣтокъ трескъ,
Птицы тяжелый крикъ,
Молніи бѣлый блескъ,
Ангела бѣлаго ликъ.

Какъ все знакомо мнѣ,
И какъ все странно блеститъ.
Видишь—въ Божьемъ огнѣ
Тѣло мое не горитъ.

Я до конца изучилъ
Сладость изъязвленныхъ минутъ.
Ты видишь—Его лучи
Къ лицу моему не идутъ.

1915

20

Блаженный ротъ—онъ запертъ на замокъ,
А ключъ затерянъ средь песковъ Сахары.
Вотъ солнце льетъ бичующій потокъ
На лѣсъ, на поле, на гнилыя нары.

О, какъ мнѣ жить? Какъ мыслить? Какъ дышать?
Какъ можетъ сердце дѣйствовать и биться.
Ты видишь—лишь высчитывать, да лгать...
Да въ жалкія слова могу рядиться.

О, если-бъ адъ, какъ есть, существовалъ
Съ наивною жаровней и крючками,
Съ какой бы сладкой болью цѣловалъ
Вотъ это очищающее пламя.

Пустыни нѣтъ. И все народъ, народъ,
Все шкурки, шляпки, зонтики и перья.
Вотъ мертвая пустыня—мертвый ротъ
Вотъ мертвая пустыня—мертвый берегъ.

1914

21

Придави дверью скрипучей
Нѣжную руку синюю.
Ахъ! Какъ легко, свѣжо.
Завистью ползучей
Обрисуйте линію
Затруби(те) въ рожокъ.

И когда раскроются,
Лица (отъ счастья) всѣхъ,
Радующихся всему—
Улыбкой злобной мѣсяца
Покрой ихъ дряблый грѣхъ
Безъ похвалы, безъ мукъ.

1913

22

А. Б.

Вы первый разъ (на Вы я перешелъ
Съ тѣхъ поръ, какъ другъ скончался) мнѣ открыли,

Что хорошо и что не хорошо.
Я помню рукомойникъ (руки въ мылѣ),
А Вы стояли рядомъ и шутили.

Теперь смѣшно, пожалуй, но тогда...
Я вѣрилъ въ то, что въ спиритизмѣ Вашемъ
Моря, народы, сны и города.
Вы были содержательнѣй и старше,
А я былъ глупенькимъ, и отношенья наши

Изобразилъ бы такъ я: вѣра и любовь.
Кто вѣрилъ, кто любилъ—не понимаю—
Но вотъ бумага и на ней та кровь,
Которую съ такой любовью вспоминаю,
Которая гніетъ (но съ ней я встрѣчусь вновь!)

19**

23

О, коченѣй, коченѣй, коченѣй
И каменѣй! Ахъ, какъ пахнетъ рожь, .
Отъ терцій, секундъ, минутъ, дней
Тупѣетъ желѣзный ножъ.
О, Господи, какой ножъ?

О, коченѣй, коченѣй, коченѣй
Ножевѣй. Вотъ предѣлъ,
Отъ терцій, секундъ, минутъ, дней,
Тѣлъ бѣлъ, какъ мѣлъ.
О, Господи, какой мѣлъ?

О, коченѣй, коченѣй, коченѣй,
Вѣй! Вѣй! Вѣй! Лежи во льду
Отъ терцій, секундъ, минутъ, дней
Упаду, упаду, упаду.
О, Господи, когда упаду?

1914

24

Бѣлые глазики. Цвѣтъ, бѣлъ, мѣлъ
Взтага, ватага, бѣги

Отъ синенькихъ, хладненькихъ (ладонки) тѣлъ
Ватага, ватага, бѣги.

Облегчи часики. Жизни жигъ жикъ.
Ватага, ватага, бѣги.
Увидишь пресвѣтлый, прискорбный ликъ,
Ватага, ватага, бѣги.

1914

25

Кто то, закрытый звѣздной маской,
Разбрасывалъ карты азартнымъ чернокожимъ,
А подъ столомъ бульдогъ деньги растаскивалъ
Съ глазами на человѣческіе похожими.

За дверью, прикрытой очень плотно,
Возились женщины, какъ надъ трупомъ коршуны,
И деньги сыпались, какъ кусочки рвотные
На чью то бороду взъерошенную.

Столъ былъ круглымъ, и качался медленно,
Какъ головы игроковъ, швырявшихъ масти,
А на верхушкѣ въ треугольникѣ равнобедренномъ
Качалась точка человѣческаго счастія.

Я—кусочекъ основанія треугольника;
О, пространство хрустни своими пальцами,
Съ вами, съ вами я, съ оскорбленными, съ раскольниками,
Съ монастырскими кликушами и скитальцами!

1913

26

Близорукіе глаза и больная фантазія
Превращаютъ свѣчи горящія въ старухъ,
Утомительныхъ въ своемъ однообразіи,
Читающихъ свои молитвы вслухъ.

А желтое тѣло—это богатырь изъ былины
Изучаемой за урокомъ русскаго языка.
Вотъ солнце! Вотъ небо, вотъ гулъ пчелиный,
Вотъ вѣтерокъ. И все—кусокъ отъ куска.

1912

27

Если длинныя вереницы дней,
Головныя боли, достиженья, неудачи—
Только искусственное сочетанье тѣней,
А на самомъ дѣлѣ все иначе.

Вѣтеръ, напоминающій вѣкъ и югъ,
Неожиданная теплота суконнаго платья,
Крестный ходъ, трепещущая хоругвь
И вѣчное напоминаніе Распятья.

Въ этотъ день даже воздухъ не какъ всегда.
Это настоящее просвѣтлѣнье
Отъ безсмысленнаго страданья и труда
И отъ ослѣпительнаго наслажденья.

1914

Сергѣй Бобровъ. Лирическая Тема, XVIII экскурсовъ ея области, съ предисловіемъ и примѣчаніями автора.—Стр. 34. М. 1914. (Распродано).

Рукоиогъ, сборникъ стиховъ и критики. Бобровъ—Божидаръ — Гнѣдовъ — Ивневъ — Игнатьевъ †—Іолэнъ—Крючковъ—Кузьмина-Караваева—Пастернакъ — Широковъ.—Стр. 46. М. 1914. (Распродано).

Ѳедоръ Платовъ. „Блаженны нищіе духомъ", семьдесятъ стиховъ.—Стр. 16. М. 1915. (Распродано).

Третья книга отъ Ѳедора Платова. М. 1916. Стр. 80. (Наложенъ арестъ).

Второй сборникъ ЦЕНТРИФУГИ. М. 1916. Ц 1. р. 75 к.

Божидаръ. Распѣвочное Единство. Предисловіе и комментаріи Сергѣя Боброва. М. 1916. Стр. 84.+4 (нен.) Ц. 1 р. 25 к.

Константинъ Большаковъ. Солнце на излетѣ. Вторая книга стиховъ.—Стр. 64. М. 1916. Ц. 1 р. 25 к.

И. А. Аксёновъ. Елисаветинцы. Вып. I. (Фордъ, Вебстеръ, Тернеръ).—Стр. 300+8 (нен.) М. 1916. Ц. 4 р.

И. А. Аксёновъ. Неуважительныя основанія. (Печатается).

И. А. Аксёновъ. Пикассо и окрестности. (Печатается).

Николай Асѣевъ. Оксана. Стихи 1912—16 гг. (Печатается).

Сам. Вермель. Къ театру. Сборникъ статей. (Печатается).

Сергѣй Бобровъ. Лира Лиръ. III книга стиховъ. (Печатается).

Рюрикъ Ивневъ. Золото Смерти.—Стр. 16. М. 1916. Ц. 50 к.

К. Бубера. Критика житейской философіи. Предисловіе, редакція и примѣчанія Сергѣя Боброва. (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Опыты по стихосложенію (Готовится).

Сергѣй Бобровъ. Основы стиховѣдѣнія. (Готовится).

Письма и заказы просятъ направлять: Москва, Погодинская, 4, 45, С. П. Боброву.

К-во ЦЕНТРИФУГА высылаетъ по требованію всѣ изданія к-ва „Лирика“.

Проспекты изданій высылаются по требованію безплатно.

50 к.